



Панорамным шедеврам Франца Алексеевича Рубо в России не повезло. От первого из них — «Штурма аула Ахуль-Го» (1896) — осталось лишь 3 куска общим размером примерно 30 м². И это от гигантского полотна, длина которого — 120 м, а высота — 12 м. Чуть больше 2%. Предназначенная для «Храма Славы» в Тифлисе, но так и не получившая собственного постоянного здания, эта панорама то находилась в хранилищах других музеев, то размещалась во временном помещении (архитектором В.В. Шене для нее

был построен временный павильон в Нижнем Новгороде), то путешествовала по «домам» своих младших сестер — других панорам. После же Октябрьской революции, намотанная валиком на шест, она валялась в подвалах музея артиллерии и серьезно пострадала от наводнения. Переданная по ходатайству наркома просвещения Дагестана А. Тахо-Годи в Дагестанский краеведческий музей, она и вовсе перестает рассматриваться как произведение искусства — молодые художники отрезают от нее куски для своих упражне-

ний. Остатки панорамы были, как водится, списаны. Жена поэта Р. Гамзатова, которой мы обязаны спасенными фрагментами, так описывает историю их обнаружения: «Впервые о трагической судьбе панорамы мне поведал известный дагестанский скульптор Х. Аскар-Сарыджа в 1965 г. В течение 10 лет я несколько раз обращалась к бывшему директору краеведческого музея Дауду Кажлаеву с просьбой выдать мне оставшиеся три фрагмента панорамы. И каждый раз он отвечал, что таких в музее нет. Прошло время, краеведческий музей переехал в новое здание на площади Ленина, а наш музей — в их старое здание. И когда проводились ремонтные работы в дворовых подсобных помещениях, мы обнаружили под кучей мусора фрагменты панорамы. Это было настоящим чудом»¹.

Второму полотну повезло чуть больше. «Штурм 6 июня 1855 г.» (так первоначально называлось полотно, известное нам как «Оборона Севастополя»), экспонировавшееся сначала в Москве, обретает с 1909 г. собственное здание в Севастополе, построенное по проекту Ф.-О. И. Энберга и В.А. Фельдмана. И эту панораму не миновало варварство — в лихое военное время, 25 июня 1942 года, от прямого попадания фашистской бомбы загорелось музейное здание; спасая полотно, его разрезали на 86 кусков и вывезли из Севастополя на военном корабле. Спасено две трети картины; «состояние фрагментов исключает возможность восстановления», — таков был вердикт специалистов.

Третьему шедевру, Бородинской панораме, тоже была уготована нелегкая участь. Помпезный замысел строительства целого мемориального комплекса памятников, посвященных победе России в Отечественной войне 1812 года, который включал бы в себя сам храм Христа Спасителя, музей 1812 года, панораму «Бородино», памятник М.И. Кутузову, два обелиска из стволов артиллерийских орудий 1812—1814 гг., не был реализован из-за скромного бюджета. Панорама «Боро-

¹ См. подробнее на сайте Дагестанского музея изобразительных искусств www.dmi.ru



Из цикла «Кавказские войны». Художник Ф.А. Рубо

дино» получает в свое распоряжение деревянное здание возле Чистых прудов, построенное по проекту П.А. Воронцова-Вельяминова. Но уже в декабре 1917 г. здание панорамы «со всем имуществом и картиной профессора Рубо» было передано электротехнической школе. Некоторое время в павильоне проводились новогодние елки, затем размещались различные кружки. В 1918 г. здание приходит в негодность. Как и «Штурм аула Ахуль-Го», это полотно тоже сняли, тоже на вернули на деревянный вал, и почти сорок лет оно хранилось в таком состоянии, в основном в различных складах для театральных декораций. В 1939 г. специальная комиссия, возглавляемая И.Э. Грабарем, осмотрев холст, пришла к выводу о невозможности его воссоздания.

Две последние панорамы воссозданы. Но реставраторы не следуют пунктуально замыслам художника. На полотне «Оборона Севастополя» появились и новые герои, и новые детали. Первая же панорама пока что воссоздана в миниатюре (в масштабе 1:10), и тоже трудно претендовать на абсолютную точность.

Что за странный рок преследует эти панорамы? Ведь не были они идеологическим прославлением царствующей династии — написаны в лучших традициях историцизма. Во-первых, для последнего характерно почти болезненное внимание к деталям. Во время работы над первым полотном Рубо долго путешествовал по Кавказу, изучал исторические материалы. Вторая панорама — и вновь многочисленные этюды с Малахова кургана, анализ исторических материалов, беседы с оставшимися в живых участниками обороны. Теперь и больше — по просьбе художника на местах сражений устраивались инсценировки боевых действий. Третья панорама воссоздавалась так же дотошно, со множеством выездов на Бородинское поле и анализом исторических данных.

Вторая особенность историцизма — интерес к экзотике, местному колориту. Пронзительно голубое небо в горах, снега и переправы занимают добрую часть первой панорамы. После Жерико и лошади выписаны так, что ценят знатоки и живописи, и коневодства. Внимание приковывал и висячий мостик над горным ущельем.

Третья особенность — «эстетическое отношение» к фактам. Если факт самоценен, то и отнести к нему можно только с интересом разглядывания, изучения, то есть просто эстетически. И нет плохого, низменного и т.д. — есть факты. Готовность во имя фактов изображать жестокости, низменные проявления и т.д. во всех их деталях — характерная черта историцизма. Как уличные девки воспеваются художниками круга Д.Г. Россетти, так и здесь тихий скромный Франц Алексеевич не скупится на кровавые детали. Та же П. Гамзатова так описывает изображенное на полотне «Штурм аула...»: «Ахульго, частью подожженный, оставлен воюющими горцами, оставшиеся же женщины и старики столпились на плоских крышах, поддерживают своих, стреляя в наших сверху. Одни женщины, полуобнаженные, с разметанными волосами, с диким видом бросают камни во врагов, другие в исступлении швыряют детей прямо на штыки русских и бросаются затем сами с воплем в обрывы, третьи, более спокойные, стараются спасти детей и скарб, разными трудными спусками ища выхода из этого ада...»¹.

¹ См. там же.



Оборона Севастополя. Фрагмент панорамы. Художник Ф.А. Рубо

Детали, факты — а выводы делайте сами, — проповедует историзм.

Современников удивляет странная выборка событий. Вроде бы все понятно — юбилеи. 50 лет героичес-

кой обороны Севастополя, 100 лет Бородинской битвы. Но ведь запечатленное на полотнах — не победы вовсе. Парижский мир был достаточно унижительным для России, а после Бородина последовала окку-

пация и сожжение Москвы. Русское общество не сходится в оценке нужности этих памятников. Часть обескуражена — Николай II со своим эстетизмом опять попадает впросак, являя какую-то карикатуру на свое-



го отца. Часть пытается говорить о героизме участников сражений.

Восхищает ли что-либо современников? Да. Эстетическая сторона вопроса. Памятники обсуждаются в прессе, будто это не памятники

вовсе, а художественные выставки. Вот «Петербургская газета» 28 мая 1896 года, подчеркивая создаваемую панорамой иллюзию действительности изображенных событий, писала: «Как нарисовано! Сколько знания, таланта и вкуса... Собравшаяся на центральной площадке панорамы довольно многочисленная группа художников с восторгом смотрела на все эти чудеса искусства...»

«Русские ведомости» 16 мая 1909 г. деловито сообщают: «16 мая проф. батальной живописи при академии художеств Ф.А. Рубо вместе со своими учениками выехал в Севастополь, по предложению военного министерства с целью реставрации грандиозной картины-панорамы, написанной им еще 14 лет тому назад и хранившейся в Тифлисе, причем часть ее оказалась испорченной временем и неудачным хранением. Эта панорама должна быть закончена к 15 июню текущего года. Картина изображает взятие аула Охульго».

Вторит им и «Русский инвалид», рассказывая историю другой панорамы: «Бой за Курганную батарею давал художнику полный простор изобразить русские войска с наилучшей стороны, показать их доблесть... словом, выходила действительно «русская» панорама. Эскизы, написанные с большим подъемом и художественным чутьем, были готовы, но тут сказала свое веское слово комиссия, предложившая художнику изобразить другой момент сражения, а именно полдень, когда начались огромные кавалерийские атаки наполеоновской конницы, наиболее характеризующие, по мнению комиссии, Бородинский бой».

Обсуждается мастерство живописца, его техника, или, может быть, удачный ракурс, удачный выбор эпизода. Как будто речь идет не об историческом памятнике, а о выставке новомодного художника. Случайно ли это? Нет! Историцизм, требующий деталей, деталей и еще раз деталей, и может вылиться только в эстетизм.

Память же не может быть эстетической — иначе она перестанет выполнять свои функции научения, сохранения тех, кому она дана. Она должна извлекать уроки. Историцизм не дает этого сделать, заставляя лишь до бесконечности соби-



Бородинская панорама. Фрагмент.
Художник Ф.А. Рубо



Оборона Севастополя. Фрагмент
панорамы. Художник Ф.А. Рубо

рать факты и любоваться ими чисто эстетически. Нелепые поводы создания гигантских панорам, казусы с выбором сюжетов, все дальнейшие исторические злоключения этих полотен не случайны. Они тоже связаны с функционированием этих картин в режиме историцизма.

Историцизм — неудачная форма исторической памяти. Слишком близок он к беспамятству.

á



Рыцарь прошлого был собственником своего коня и вооружения. Как в античных городах, так и в рыцарских армиях средневековья, рыцарю приходилось покупать для себя латы, копье и коня, а также везти с собой провиант. Современная армия возникла в тот момент, когда эти заботы взял на себя князь, т. е. когда солдат и офицер перестали быть собственниками средств военного производства. На этом основана сплоченность современного войска.

Макс Вебер



Штурм аула Ахульго. Художник Ф. А. Рубо. 1888 г.

